

УДК 371

ЧТО ТАКОЕ ШКОЛА, и чем она должна заниматься

Григорий Борисович Корнетов,

*доктор педагогических наук, профессор, главный научный
сотрудник отдела педагогической рискологии*

Корпоративного университета развития образования, Москва

В статье рассматриваются характер и особенности школы как базового педагогического института общества, анализируются различные трактовки сущности школы, её задач и функций, способов их реализации.

- школа • образование • школа как образовательный институт в истории общества • характер и особенности школы • задачи и функции школы
- различные трактовки сущности школы

В 1907 году, когда царское правительство уже подавило Первую русскую революцию, в Российской империи началось издание журнала «Свободное воспитание». В первом номере журнала его редактор, писатель и издатель, просветитель и педагог, один из ближайших сподвижников Л. Н. Толстого И. И. Горбунов-Посадов (1864–1940), обращаясь к читателям, так характеризовал то, что происходило в современных ему школах: «Каждый день, в пасмурной дымке городского раннего утра, мимо моего окна тянутся вялым, насильственным шагом маленькие люди, едва передвигающие ноги, в тяжёлых длинных пальто, с отвисающими за спинами ранцами, перегруженными бумагою с учебными

иероглифами, которые они должны с великим трудом разбирать в течение восьми лет. Мне всегда видится, как они подходят с тупым выражением смертельной скуки к дверям педагогической фабрики и, делая усилие, исчезают в её глубине, не понимая, зачем каждый день возобновляется для них это мучение. Они видятся потом мне прикованные к тесной клетке между двумя скамейками, вдыхающие в течение лучшей части дня спёртый, вредный воздух пыльного класса, не разгибающие часто спину в продолжение часа, не смеющие в продолжение часа открыть без позволения рот, замирающие под испытующим взором охотника-педагога, охотящегося с кафедры за школьною дичью,

умирающие на восьмидесяти уроках из ста от невыносимой скуки. Они видятся мне следящие жадными глазами за движением стрелки на циферблате классных часов, моля Бога о том, чтобы судьба спасла их сегодня от выстрела, и когда стрелка часов показывает, что они спасены, вылетающие как птицы из мучительной клетки на волю и через пять минут опять захлопнутые неумолимым механизмом расписания. Она стоит перед нами ещё во всей как будто бы своей силе, печальное наследие схоластики, чёрным крылом своим затемняя молодые побеги жизни! Мы все чувствуем на себе следы её гнета, следы страданий, нанесённых нам ею. Её объятия ещё раскрыты для того, чтобы душировать живую творческую мысль, живое чувство и волю новых поколений так же, как они душили нашу мысль, наши чувства, наши стремления» [1, с. 2–3].

Далее И. И. Горбунов-Посадов рисовал образ той школы, какой она, по его мнению, должна быть: «Новая школа будет местом для свободного труда, свободного общения между детьми и теми, кто хочет помочь детям в удовлетворении их свободных запросов, в удовлетворении их жажды познания и творчества. В новой школе не будет места никакому принуждению, никакому насилию над детской душой, во имя чего бы оно ни производилось. Там в основу всего будет положена любовь и такое же глубокое уважение к личности ребёнка, как и к личности каждого взрослого человека. Там учителя будут не начальниками, а старшими товарищами учащихся, не педагогическими поварами, начиняющими ученические мозги фаршем учебников, но сотрудниками их в деле искаания истины и знаний, с любовью помогающими им своим опытом и познаниями. Такие учителя будут видеть в каждом ребёнке отдельную личность, живую человеческую душу со всем скрытым в ней бесконечным духовным миром, а не Сидорова, Петрова, Иванова из классного списка, безличную часть школьного стада. Они будут выше всего ценить свободное проявление духа ребёнка, самостоятельную работу его ума. Они

будут посвящать больше всего времени и заботы изучению запросов, сил, способностей своих учеников, чтобы знать, что они, учителя, должны делать и чего не делать. Но главным делом будет для них то, чтобы установить духовное единение, взаимное доверие, искреннее равенство между ними и их учениками-товарищами, без чего не может быть никакой истинной взаимопомощи в работе воспитания и образования» [1, с. 5–6].

Какой должна быть школа? Чем она должна заниматься? Каковы её задачи и функции? Ответы на эти вопросы человечество в той или иной форме ищет практически на протяжении всей истории существования этого главного образовательного института общества.

Типичный ответ на эти вопросы, отвечающий базовым потребностям государственной власти, содержался в книге «О должности человека и гражданина» [2], подготовленной реформатором австрийской школы аббатом Иоганном Игнатием Фельбигером (1724–1788). По словам И. Н. Курочкиной, в 1783 г. «впервые была опубликована книга австрийского педагога И. Фельбигера «О должностях человека и гражданина», переведённая с немецкого языка и отредактированная при участии императрицы. Состоящая из многочисленных правил поведения и советов по ведению хозяйства, она стала своего рода энциклопедией нравов и жизненных установок, много раз переиздавалась и использовалась как учебное пособие для народных училищ» [3, с. 104]. Книга была издана по прямому повелению Екатерины Великой и была обязательна для чтения в народных училищах вплоть до начала 1820-х годов.

Российский политический деятель, мыслитель образования и историк педагогики Э. Д. Днепров следующим образом интерпретировал ту главную задачу школы, которая была воплощена в книге «О должности человека и гражданина». Опираясь на её текст, он писал: «Высокое слово “гражданин”, вынесенное в заглавие этой

книги, фактически совсем в ней не употреблялось, так же как и слово “человек”, которое встречается лишь в первой её части, где идёт речь о нравственных заповедях христианства. Ключевое слово книги — “подданный” (реже употребляется — “сын отечества”), и именно его обязанности детально здесь расписываются. Центральная установка этого воспитательного руководства... состоит в следующем: “Истинный сын отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и к законам. Любовь к отечеству состоит в том, чтобы покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества, в коем живём”. Поскольку правительство предстаёт в книге всевидящим, всезнающим, всемудрым, заботящимся о всеобщем благополучии, то “все подданные <...> обязаны правителей своих <...> почитать, Богу о них молиться, законам и уставам их повиноваться, подати и службы, без которых правители держав общего благосостояния и безопасности сохранить не могут, должны подданные доброхотно и усердно давать... Каждый подданный должен оказывать почтение, любовь, послушание и верность не токмо державствующему, но и определённым и установленным от него меньшим властям”. Этот настольный кодекс послушания <...> выделял три главные задачи — “должности” подданных. “Первая должность сына отечества есть не говорить и не делать ничего предосудительного в рассуждении правительства, и потому всякие возмутительные поступки, как-то: роптания, худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственного учреждения и правления, — суть преступления против отечества и строгого наказания достойны... Законы суть учреждения, коими определяется, что правительство почитает полезным для благосостояния государства, и так повиновение есть вторая должность сына отечества... Начальники могут и должны все <...> лучше и основательнее знать; по чему упование на прозорливость и праводушие правителей есть третья должность сына отечества...”».

Таким образом, как следует из анализа политико-педагогического содержания книги «О должности человека и гражданина», проведённого Э. Д. Днепровым, главной, системообразующей задачей школы оказывается формирование верноподданного гражданина государства [4, с. 86]. Действительно, можно ли сомневаться

в том, что любое правительство будет стремиться, чтобы школы в своей педагогической деятельности прежде всего ориентировались на процитированном выше положении: «Истинный сын отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и к законам. Любовь к отечеству состоит в том, чтобы покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества, в коем живём?»?

Спустя два столетия один из самых влиятельных мыслителей XX в. французский философ, культуролог и историк Мишель Фуко (1926–1984) интерпретировал школу как пространство нормализации индивидов, ставил её в один ряд с такими общественными институтами, как тюрьма, психиатрическая больница, казарма. «Удивительно ли, что тюрьмы похожи на заводы, школы, казармы и больницы, которые похожи на тюрьмы?» — писал он [5, с. 334]. Все эти общественные институты, по мнению М. Фуко, призваны решать однотипную задачу: способствовать формированию приемлемой для общества (то есть установленной обществом и признаваемой им нормальной) модели человеческого поведения: а) у преступника, который нарушает закон; б) у сумасшедшего, который не понимает, что творит в силу психического расстройства; в) у солдата, который должен жить согласно режиму, предписанному уставом; г) у рабочего, который должен знать свою трудовую задачу и решать её в «общем производственном строю»; д) и наконец, у ребёнка, который должен быть встроен в установленный дисциплинарный режим, принять его и следовать ему [5–9].

Выдающийся советский философ-марксист Э. В. Ильенков (1924–1979) писал полвека назад: «Школа — жизненно важный орган социального организма, но вряд ли только из-за этого ломается столько копий и столько учёных мужей, не имеющих непосредственного отношения к школе, дают ей советы,